

Жизнь глупого в лето

НАТАЛЬЯ
МЕДВЕДСКАЯ

КНИГА 1

16+

Наталья Медведская

Жизнь длиною в лето. Книга 1

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Медведская Н. Б.

Жизнь длиною в лето. Книга 1 / Н. Б. Медведская — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Кармель не задумывалась о будущем. Со школьной подругой Леной играла в довольно жестокие игры. Но вскоре ей пришлось испытать на себе, что значит быть отвергнутой, непонятой и одинокой. Желая переменить обстановку, она поехала в деревню Захарьино и там неожиданно столкнулась с призраком девушки Кати. Чтобы отвязаться от потустороннего существа и выполнить его просьбу, Кармель пустилась в дорогу на поиски солдата, пропавшего в далёком сорок третьем году. По дороге в Смоленскую область путешественницы не раз попали в опасные, странные и довольно жуткие ситуации. Только благодаря Кате удалось найти выход и отправиться дальше в путь. Позже, работая с поисковым отрядом, она смогла разобраться в себе, а самое главное, встретила любовь: трудную, временами горькую, но такую настоящую.

© Медведская Н. Б., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Пролог	5
6 июня 2012 года.	5
Двадцать дней назад.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Наталья Медведская

Жизнь длиною в лето. Книга 1

Пролог

6 июня 2012 года.

Женщина смотрела на Кармель¹, красивые черты лица искажала недобрая гримаса.

«Чего она на меня злится? – подумала Кармель и оглянулась по сторонам. – Что я ей сделала?»

Кармель неловко переступала с ноги на ногу, крепче сжимая в руке букет цветов, словно хрупкими стеблями ирисов можно защититься от незнакомки, пышущей злобой и ненавистью. Гуляя, она набрела на негустую рощу, состоящую из странного набора деревьев. Здесь рядом росли рябины, березы, ели, вишни, клёны и даже несколько пирамидальных тополей. Кустарники тоже отличались разнообразием. Кармель заметила рядом с кустами калины и сирени поникшие ветви «невесты». Между деревьев среди густой травы встречались полянки крупной садовой ромашки, шарообразные кусты пионов, шиповник, кое-где мелькали ярко-оранжевые головки календулы. Кармель обнаружила лужайку, сплошь заросшую голубыми ирисами; насладившись их нежным ароматом, сорвала несколько штук. И вот теперь в растерянности стояла перед невесть откуда взявшейся незнакомкой, и чувствовала себя преступницей.

«Кто знает этих местных, может я сорвала её любимые цветы? – смутилась она, разглядывая странный наряд селянки, состоящий из длинной коричневой юбки грубого материала, белой, в мелкий чёрный горошек кофточки с длинными рукавами, застёгнутой под горло. На ногах незнакомки красовались светлые матерчатые туфли. Похожую обувь Кармель видела в фильмах сороковых годов.

– Ты стоишь на моей могиле, – прошепел тихий голос-шепот.

От этого звука волосы у Кармель мгновенно встали дыбом, по коже пробежали мурашки. Она вскрикнула и отпрыгнула в сторону.

– Цветы ты тоже сорвала с моей могилы, – добавила селянка и опалила девушку ненавидящим взглядом.

Кармель машинально бросила букет на землю, а потом возмутилась:

– Что за глупые шутки! У вас так принято пугать приезжих?

Незнакомка медленно двинулась к ней. Глаза Кармель расширились от удивления: селянка плыла по воздуху, ноги не касались травы. А главное сквозь её тело стали просвечивать деревья, растущие на краю поляны. В голове Кармель помутилось, в ушах раздался звон, он всё нарастал и нарастал. Она рухнула в высокую траву, теряя сознание.

¹ Кармель – женское еврейское имя.

Двадцать дней назад.

«Господи, как стыдно», – бормотала Кармель, бегая от окна к двери. Сейчас раздражало всё: даже любимая уютная комната. Она вспомнила, как злилась на мать, которая, не поинтересовавшись её мнением, самовольно поменяла кукольно-розовую детскую обстановку комнаты на более взрослую. Кармель из упрямства не хотела признавать, что ей понравилось новое убранство спальни: светло-кремовые шёлковые обои, шторы цвета кофе с молоком, мебель из светлого дерева. Она сама собиралась сказать матери, что выросла из рюшечек и цветочков, но, вернувшись из санатория и найдя перемены, вспыхнула. Будучи подростком, Кармель спорила с родителями по каждому пустяку. Спустя время, она оценила вкус матери, но так и не призналась ей в этом. И вот теперь она металась по комнате, желая провалиться сквозь землю, исчезнуть, лишь бы не помнить потрясённый взгляд лучшей подруги Лены Стриж и насмешливо-брезгливый Германа Розова. Она пыталась по привычке оправдать себя, но не получалось. В глубине души Кармель знала: на этот раз ничто её не оправдывает. Она находилась в столь взвинченном состоянии, совсем не потому, что сожалела о своём поступке. Было обидно сознавать: попала на лжи и не сумела выкрутиться – её разоблачили. В голове, как на заезженной пластинке, уже два часа звучали четыре строчки.

Самый лучший день заходил вчера²

Но пришла пора,

Он собрался в путь.

Ну и пусть...

Кармель подбежала к окну, прижалась лбом к холодному стеклу. На улице моросил мелкий тихий дождь. Синее майское небо сразу обесцветилось. Сирень за окном хлопала мокрыми ветками, осыпая землю бледно-сиреневыми звёздочками цветков. Дождь начался после четырех часов дня и совершенно не сочетался с бурей, кипящей в душе девушки. Строчки известного шансона тоже не вписывались в теперешнее настроение потому, что самый худший день Кармель пожаловал с утра.

«Ну и отправляйся в путь, не пожалею я ничуть», – пробормотала она, пытаясь избавиться от надоевших строк. Кармель смотрела на ухоженные клумбы во дворе, на зелёную траву газона, умытую дождем, на «Ауди» ярко-красного цвета, как попало брошенную ею на подъездной площадке и, как заклинание, ещё несколько раз повторила эту фразу. День действительно не задался с самого утра.

Во время завтрака она спросила у матери:

– Мам, тебе всё-таки удалось пробиться в «Гранд-Элит», может, и меня запишешь? Пусть это будет подарком к моему дню рождения. Говорят, у них обалденный стилист...

Она болтала, не замечая напряжённого молчания, возникшего за столом, поднять голову от тарелки с кашей её заставил легкий удар по щиколотке. Брат, сидящий справа от неё, толкнул ногой, подавая знак заткнуться. Кармель недоумённо посмотрела на мать. У неё был виновато-растерянный вид, в то время как лицо отца покраснело, его чёрные, чуть выпуклые глаза сузились от ярости. О-о-о Кармель хорошо знала этот взгляд. Отца трудно вывести из себя, но если это кому-то удавалось, он плохо контролировал себя в гневе. Натан Михаэлевич³ швырнул на стол чашку с горячим кофе. Темно-коричневая жидкость растеклась по белой скатерти, бурые брызги попали на батник Эйтана⁴, платье Кармель и голубой костюм матери.

² Кармель перефразировала слова из песни Г. Лепса «Самый лучший день».

³ Натан – мужское еврейское имя в переводе на русский язык означает «дарованный богом».

⁴ Эйтан – мужское еврейское имя значит – сильный, является именем Авраама.

– Ася, я тебе плохо объяснил в последний раз?! Чем ты думала? Кажется, знаю – пустой головёнкой. Будешь сидеть дома, пока не наберёшься ума. Ведешь себя, как маленькая девочка. Напомнить: тебе скоро полтинник стукнет! – Натан Михаэлевич⁵ бросил льняную салфетку на тарелку, встал из-за стола, с грохотом отшвыривая в сторону тяжёлый стул.

Ася Ивановна запустила пальцы в пышные белокурые волосы, с силой дернула их, и со злостью посмотрела на дочь.

– Кто тебя тянул за язык? Ты это специально сделала?

– Мам, о чём ты говоришь? Что такого я сказала? – недоумевала Кармель, не понимая, почему вспылил отец, а мать разозлилась.

Ася Ивановна покосилась на испорченный наряд и, не отвечая дочери, встала из-за стола.

– Кто-нибудь объяснит, в чём моя вина? – Кармель провела пальцем по коричневым пятнышкам на шелковом платье цвета шампанского.

Брат молодая копия отца, такой же, как и он, кучерявый, черноглазый, поправил стильные очки на длинном прямом носу.

– Наша маменька потеряла голову, не на шутку увлёкшись массажистом из «Элит». Стала делать ему дорогие подарки и появляться в людных местах, где их увидели общие знакомые. Папенька оскорбился и предупредил её – больше позора он не потерпит. Маменька обещала но, оказывается: нарушила слово. Ты выдала её с потрохами.

Кармель помолчала немного, обдумывая слова Эйтана. Для неё давно не являлись секретом прохладные отношения родителей. Об изменах матери она узнала, будучи, в восьмом классе. До этого считала свою семью идеальной. До сих пор помнила тот случай, поколебавший до основания её спокойный безмятежный мир. На её четырнадцатилетие родители пригласили больше полусотни гостей. Впервые позволили дочери сидеть за столом вместе с взрослыми. У Кармель о том дне остались смешанные воспоминания и чувства. Она помнила свою радость от большого количества дорогих подарков, от речей гостей. Они называли её умницей и красавицей. Помнила чудесную музыку и скрипача, игравшего её любимые мелодии, фейерверк, вызвавший всеобщее восхищение. Поздно ночью, устав от суеты и танцев, в которых она принимала деятельное участие, поднялась в свою комнату на втором этаже. Кармель не удержалась и примерила дорогое платье, подаренное родителями. Всего за год она изменилась неузнаваемо. Худые плечи стали округлыми, появилась тонкая талия, обрисовалась небольшая грудь. Нос, прежде казавшийся длинным и тонким, стал вполне нормального размера и на правильном овале лица смотрелся произведением искусства. Миндалевидные чёрные глаза, доставшиеся от еврейских предков, красивого рисунка яркие губы, бледная кожа – всё это останавливало взгляд, заставляя её любоваться. Единственным диссонансом во внешности девушки был русский цвет волос. Видимо, славянские гены матери сумели разбавить еврейскую кровь, добавив светлых красок в облик Кармель. Вот у Эйтана, например, волосы, как у отца, тёмные, жесткие, кучерявые, кожа смуглая. Правда, кучерявость передалась и ей, доставляя много хлопот. В отличие от брата у неё оказались пусть и густые, но тонкие волосы, которые имели дурную привычку запутываться и расчесываться с трудом.

Кармель примерила платье, увидела себя в новом наряде странно повзрослевшей, решила показать обнову родителям. Вечеринка уже перешла в вялотекущую стадию праздника. Изрядно набравшиеся гости, разделились на группы. Кто-то спорил, кто-то рассказывал анекдоты, некоторые дремали в шезлонгах возле бассейна, несколько парочек танцевали, двигаясь в замедленном ритме. Отец за столом беседовал с совершенно седым пожилым мужчиной. Кармель остановилась перед ними.

– Папа, ваш подарок.

⁵ Михаэль – мужское еврейское имя означает «посланник ангела».

Мужчины посмотрели на неё. Седовласый с любопытством, отец с плохо скрываемой досадой.

– Извини, малышка, я занят. Красиво. Тебе очень идёт.

Кармель поняла свою оплошность и смутилась. Собеседник отца поднялся и поцеловал ей руку.

– У вас, Натан, очень красивая дочь. У неё классические черты лица.

Именинница покраснела и осторожно высвободила кисть. Отец нетерпеливо махнул рукой.

– Мама уже пошла в свою комнату. Пойди ей покажи.

Кармель ворвалась в спальню матери, вдохновлённая похвалой незнакомца.

Сначала она ничего не поняла, из-за темноты не заметила, что мать в комнате не одна.

– Мамоchка, ты не спишь?

В ответ на её слова послышался приглушенный вскрик матери, а потом раздалось глухое бормотание мужчины. В свете фонаря, освещающего лужайку перед окном, Кармель различила два силуэта на кровати. Кровь мгновенно прилила к её лицу, щеки запылали. Она выскочила за дверь и помчалась к себе в комнату. Мать появилась через полчаса, присела на кровать дочери. В спальне запахло спиртным.

– Ты когда повзрослеешь – поймёшь: иногда у взрослых возникают потребности. Мы с твоим папой женаты уже много лет и скажем так: немного поднадоели друг другу. Не бойся, мы не собираемся расходиться. Семья для нас главное всего. А это так небольшой адюльтер...

Кармель сгорала от стыда и разочарования.

– Уйди, пожалуйста, я не хочу тебя видеть, – процедила она сквозь зубы.

– Уйду. Только будь добра, не говори отцу. Он не простит, что я принимала мужчину в нашем доме. Я перепила шампанского и совершила глупость. – Ася Ивановна дотронулась до плеча дочери.

Кармель дёрнула плечом.

– Значит, вне дома можно?

– В рамках приличия. Думаешь твой отец ангел? Да он первый начал мне изменять, – разозлилась мать.

Кармель затошнило от гадливости и отвращения. Неужели они притворялись любящими супругами все эти годы. А она так гордилась своей семьей.

– Уйди!

Ася Ивановна попыталась взять дочь за руку.

– Сначала пообещай, что не донесешь отцу.

– Обещаю. Только оставь меня в покое.

– Я с большим уважением отношусь к твоему отцу и очень люблю вас. Но это отдушина для тела и души, она не имеет к вам никакого отношения, – пробормотала мать.

Кармель закрыла руками уши.

Сейчас за столом она вспомнила тот давний случай. Он навсегда изменил её отношение к родителям. Кармель ничего не сообщила отцу, долгое время с трудом общалась с матерью, обходясь парой слов. С тех пор она стала замечать то, на что прежде не обращала внимания. Отлучки матери к подругам, частые якобы девичьи посиделки, бесконечные визиты в салоны красоты и парикмахерскую. Отец тоже задерживался на работе, встречал нужных людей, ездил по делам в другие города. Постепенно Кармель привыкла к таким отношениям в семье, которые её брат совершенно спокойно называл партнерскими. Она попробовала с ним поговорить. Эйтан выслушал, он был старше сестры всего на три года, но выглядел взрослым мужчиной.

– Ты ведешь себя, как недалекая дурочка. Неужели веришь в вечную любовь? – Заметив её смущение, брат засмеялся: – Ах, ну да. Девичьи грезы о принце и любви до гроба. А на деле: страсть проходит и остается в лучшем случае уважение, совместные дети и нажитое добро.

Скажи, что бы ты выбрала: развод родителей, неуверенность в будущем или вот такие партнерские, приличные отношения между папой и мамой.

Кармель задумалась.

– Молчишь?

Она не хотела развода, не хотела выбирать с кем из родителей жить. Брат продолжил:

– Карамелька, – Эйтан назвал её детской кличкой, – будь реалисткой и не забивай себе голову всякой ерундой. Личная жизнь родителей тебя не касается. Не твое это дело. Понимаешь?

Она кивнула. Брат, обладал аналитическим складом ума, увлекался точными науками, закончил аспирантуру и сейчас писал диссертацию по математике. Эйтан с детства подвергал всё анализу и разбору. Кармель посмотрела в его непроницаемое спокойное лицо.

– Ты никогда не влюблялся?

– Из чего ты сделала такой вывод? – усмехнулся брат. – Ошибаешься. Много раз. Но мне быстро становилось скучно. Большинство девушек глупы и надоедливы. Аж скулы сводит. Не для твоих, Карамелька, ушей, но все-таки скажу: женщины нужны только для одного. – Эйтан потрепал её за ухо как щенка.

Она сердито увернулась.

– Но ты, моя сестренка, а потому особенная. Я голову сверну тому, кто тебя обидит, – пообещал он.

И вот сегодня утром Кармель нечаянно подставила мать, разрушив хрупкое равновесие в семье. Эйтан догадался, о чем она думает и спокойно процедил:

– Не переживай. Отец на время лишит маму финансирования. Впредь она хорошо подумает, прежде чем одаривать смазливых массажистов и выставлять отца, и себя в том числе, на посмешище. Её поведение может повредить его бизнесу. Ты не виновата, что мама поглупела на старости лет.

– Слышала бы мама, как ты говоришь о ней. Она никому не признается, что ей скоро исполнится пятьдесят, – улыбнулась Кармель. – Будто по нам, её детям, не видно возраста.

Натан Михаэлевич руководил собственной небольшой мебельной фабрикой. Семье Гориславских принадлежали четыре мебельных магазина в городе и три в районе. Эйтан, уйдя в науку, не оправдал надежд отца. Хотя Натан со временем мечтал передать дело сыну, всё же он гордился умным наследником и всегда повторял:

– Евреи или финансисты, или музыканты, или ученые – другого не дано.

Натана не смущало то, что его сын еврей только наполовину. В свое время он женился на своей секретарше против воли родителей. Сделав одну ошибку – вторую не собирался. Мать не одобрила бы развод, да и детей Ася подарила ему умных и красивых. Перестройка застала Натана в кресле директора мебельной фабрики, которая выпускала допотопных монстров: древнего вида несовременные диваны, шифоньеры, мебельные гарнитуры. Продукция, даже такая, раскупалась быстро, устаревшее оборудование много лет не менялось. В начале девяностых начались перебои с финансированием, государство месяцами не выплачивало зарплату. Натан быстро сориентировался. Он решил акционировать предприятие. Выпустили акции, которые раздали рабочим, на короткое время они стали владельцами фабрики. Акционеры Натан выкупил у голодных трудяг и служащих. Фабрика перешла в его полную собственность. С деньгами помогли родители, перебравшиеся в Израиль и сумевшие неплохо устроиться. Надо отдать должное Натану, он работал как каторжный, пока фабрика не начала приносить прибыль. Он дневал и ночевал на работе. Рабочие прошли обучение и теперь трудились в тёплых цехах на новом оборудовании. Его предприятие стало выпускать современную красивую мебель, как премиум класса из дорогих пород дерева, так и дешёвую из прессован-

ных опилок. Только через десять лет в две тысячи втором семья из трехкомнатной квартиры, оставленной при отъезде родителями Натана в Израиль, переехала в новый трехэтажный дом в тихом районе города. Ему исполнилось сорок лет, он гордился, что осуществил свою мечту: построил дом, организовал любимое дело и воспитал талантливого сына. Эйтан окончил школу в пятнадцать лет, поступил в Кубанский университет на факультет прикладной математики и успешно в нём отучился.

Натан женился в двадцать четыре года, будучи ещё инженером на фабрике. Единственный раз он осмелился поступить по-своему, потеряв голову от красоты и обаяния светловолосой прелестницы Аси. Понимал, что разбил сердце матери, присмотревшей ему в жены тихую еврейку. Спустя девять лет он понял свою ошибку, но уже было поздно. В семье появились дети. Жена Ася из скромной девушки превратилась в циничную бабу, выторговывающую себе наряды и украшения ласками. Дети подросли, дочь пошла в садик, сын в школу. Ася же занялась собой. Она холила и лелеяла свою красоту, занимаясь в тренажерном зале, посещая бассейн и массажные салоны. Натан любил жену, но был не настолько слеп, чтобы не заметить её холодности. Вскоре он заподозрил Асю в неверности. Его подозрения подтвердились, с этого момента началось охлаждение и с его стороны. Натан не смог простить жену, их брак превратился в пустую формальность. Они сохраняли видимость супружеских отношений, и это устраивало обоих. По негласной договоренности супруги соблюдали осторожность и благоразумие. Ася не хотела потерять обеспеченную и удобную жизнь. Натан не собирался менять женщину, родившую ему детей, на новую жену, тем более что такой же страсти, которую он испытывал к Асе, больше никто у него не вызывал. Но наказать супругу за непослушание все же требовалось.

День, который с утра пошел наперекосяк, продолжился дальше в таком же духе, даже хуже. Кармель передела выпачканное платье и поехала в институт. Она догадывалась, что подруга может обидеться на её вчерашнее поведение на даче семьи Розовых. Но утешала себя мыслью: она всё объяснит Елене, и та простит.

Дело в том, что подружки не в первый раз соперничали из-за мужчин. Обычно у девушек это выливалось в интересное захватывающее приключение-игру, которое развлекало обеих. Они дружили со школы. Кармель испытывала к Лене особую благодарность: когда-то она единственная встретила её, новенькую девочку, пришедшую к ним в шестой класс, радушно. После переезда из квартиры в дом, находящийся на другом конце города, родители перевели Кармель в ближайшую школу. И надо же было так случиться: в конце августа она заболела и выздоровела только к десятому сентября. Отец торопился на работу, мама не захотела отменить сеанс массажа, поэтому в новую школу её отвел брат. Он спешил на занятия в университет, считал, что сестрёнка уже большая девочка и со всеми проблемами должна справляться сама. Эйтан довёл её до школы и побежал на автостанцию. Брат учился в Краснодаре и приезжал домой на выходные. Это потом, когда ему исполнится восемнадцать лет, отец подарит машину, а пока Натан Михаэлевич считал, что трудности закаляют мужчину. Попросту говоря, он обижался на сына и не желал видеть его математиком. Смирился Натан с выбранной профессией сына только через два года, а пока Эйтан добирался до места учебы, как большинство студентов. Занятия в школе уже начались – Кармель бродила по пустым коридорам, разыскивая шестой «А». Наконец на втором этаже она обнаружила искомый кабинет. Посмотрела на часы – до конца урока оставалось десять минут. Её сердце колотилось от страха. Кармель представляла, как все станут смотреть на неё и обсуждать. Она просила родителей оставить её в прежней школе, но отец был неумолим.

– Учись преодолевать страх, иначе ничего в жизни не добьешься.

Зазвенел звонок, дети высыпали в коридор. Кармель робко открыла дверь и зашла в полупустой класс.

– Девочка, ты не перепутала класс?

На вопрос учителя Кармель покачала головой.

– Погоди-ка, ты новенькая?

Кармель кивнула.

– Вспомнила, первого сентября ко мне в класс должна была поступить Гориславская Кармель, – удивлённо произнесла учительница, найдя запись в журнале.

Дети, оставшиеся в классе, засмеялись и стали с любопытством разглядывать новенькую.

– Кармель, – тихо произнесла девочка.

Учительница наклонилась к ней и поинтересовалась:

– Говори громче. Что ты там бормочешь? Почему опоздала?

Девочка кашлянула и сказала громче:

– Меня зовут Кармель. Я болела.

– Ну, хорошо. Проходи, садись.

Кармель растерянно оглядела столы.

– Иди сюда. Будешь сидеть со мной, – решительно заявила рыжеволосая девочка, очень похожая на Пеппи⁶ Длинныйчулок, какой её обычно изображают в книжке.

Так началась её дружба с Леной Стриж. До девятого класса мальчишки на их веселую смешливую парочку совершенно не обращали внимания. Обе девочки долгое время ходили на неуклюжих длинноногих цапель: острыми коленками, тощими ногами и дерганой походкой. Всё изменилось, когда подружкам исполнилось по пятнадцать лет. После летних каникул вместо знакомых «цапель» в классе появились две загорелые стройные девушки. Голубоглазая Елена походила на негатив: прежде яркие рыжие волосы выгорели, брови и ресницы обесцветились, на лице, шоколадного цвета, сверкали льдистые глаза и белые зубы. Кармель же стала смахивать на мулатку: коричневая кожа, чёрные глаза, ярко-красные губы и вихрь кучерявых волос на голове. Эффектные фигуры подруг с тонкими талиями и крутыми бедрами все же различались. У Елены из-за широкой кости фигура стала более спортивной: прямые плечи, узкие бёдра. А у Кармель с её тонкой костью плечи узкие, покатые, бедра гитарные. Девушки произвели фурор среди мужской половины класса. Одноклассники впервые посмотрели на них, не как на друзей по играм и проказам, а как на объект любовной страсти. После школы подруги поступили в Армавирский Лингвистический институт на факультет экономики и менеджмента. Все годы учебы девушки забавлялись тем, что заключали пари на завоевание казавшихся неприступными представителей мужского рода. Эта веселая игра занимала всё их время. Им даже не приходило в голову, что они поступают отвратительно, играя чужими чувствами. Подругам не было необходимости волноваться о хлебе насущном, родители Елены также были людьми обеспеченными. Учеба обеим девушкам давалась легко, оставшееся от занятий время они тратили на развлечения, некоторые из которых были небезопасными. Так на втором курсе подруги увлеклись гонками и целый год посещали автоклуб, пока азартная Елена не попала в аварию. Залечив перелом левой руки и трех ребер, подруга уговорила Кармель заняться парашютным спортом, затем настала очередь восточных танцев. От поездок со спелеологами в пещеры у девушек остались тяжёлые воспоминания, оказалось, они обе с трудом переносят замкнутое пространство. Выбравшись на поверхность, подруги впредь зарекались спускаться под землю. Кармель ещё долгое время снились кошмарные сны, в которых её заваливало землей, она просыпалась в холодном поту с колотящимся сердцем. Так уж получилось, что души девушек не затронуло ни одно серьёзное чувство. Лёгкая, необременительная влюбленность делала их жизнь интересной, добавляя перчинку в повседневную пресность

⁶ Пеппи Длинныйчулок – героиня детской книжки писательницы Астрид Линдгрен.

будней. Подруги вели счет победам на любовном фронте, в последний раз выиграла Елена, поэтому Кармель мечтала взять реванш. Они выбирали жертву, сидя в сквере, рядом с институтом. Лекции должны были вот-вот начаться, на парковку заехал серебристый «Опель». Из него вышел высокий стройный блондин, огляделся по сторонам, словно кого-то искал и направился к входу в здание.

– Этот красавчик назначит мне свидание через неделю, – сказала Кармель, оценив статью незнакомца. – Ты случайно не знаешь, кто это? – обратилась она к подруге, пребывающей в ступоре. – Эй, Стрижик, ты чего? – она помахала рукой перед лицом Елены.

– Откуда он взялся? – задумчиво произнесла Лена, глядя затуманенным взором, на дверь за которой скрылся мужчина. – Он мой! – с жаром добавила она, очнувшись.

– Посмотрим! – хмыкнула Кармель, не собираясь проигрывать на этот раз.

– Через пять дней, – сделала свою ставку Елена.

Ко второй паре лекций девушки сумели выяснить имя и фамилию блондина. Им оказался студент пятого курса Герман Розов с факультета «Управление персоналом». Он год назад перевелся из Краснодарского вуза к ним в институт. Елена не понимала, как она могла не заметить раньше этого обаятельного парня, ей очень нравился такой тип мужчин. Уже на второй день состязания подруги познакомились с Германом. Кармель неловко споткнулась на лестнице и упала в его объятия, точно рассчитанным действием, проверенным многократно на других жертвах. Лена облила его соком в кафе. Военные действия шли с переменным успехом, к исходу недели каждая успела с ним пообщаться, используя при этом всю силу обольщения. В пятницу после занятий, в том же сквере состоялась знаменательная беседа подруг. Елена была необычно серьёзна, она сидела, опустив голову, и не решалась начать разговор.

– Карамелька, я хочу прервать наше дурацкое соревнование.

Кармель обрадовалась:

– Сдаешься? Я победила?

Подруга без улыбки посмотрела ей в глаза.

– На этот раз, всё по-другому. Мне кажется, я по-настоящему влюбилась. – Лена закусила губу и грустно добавила: – Шутки кончились. Оставь мне его. Он ведь не нужен тебе на самом деле. Считаю, что ты выиграла, но только не трогай его больше и прекрати свои штучки.

Кармель поразил её тон. В голубых глазах подруги промелькнула досада.

«Что на этот раз придумала Стрижик? Разыгрывает её? Или действительно влюбилась», – пыталась сообразить Кармель, косясь на подружку.

– Я тебя очень прошу, Карамелька, как лучшую подругу. Пожалуйста, послушай меня. За эти пять дней, я чуть с ума не сошла от ревности. Мне хотелось убить тебя раз сто. Ради нашей дружбы давай забудем о споре. Ведь когда-то это должно было закончиться...

Кармель пожала плечами.

– Да ради бога! Блондины не в моем вкусе, ты же знаешь.

Глаза Елены вспыхнули от радости, она кинулась обнимать подругу.

– Я боялась, что ты меня не послушаешь.

– Да ладно, большое дело, – усмехнулась Кармель. Удивлённо поднимая брови. Всегда уверенная в себе, Елена сейчас вела себя необычно.

– Пить хочу. Посиди тут, я сбегая в магазинчик, куплю сок, а тебе твое любимое мороженое. Хочешь?

Кармель кивнула, удивляясь ещё больше. В продуктовый магазин на углу улицы они бегали по очереди, и сейчас была её очередь. Она посмотрела вслед взволнованной подруге и увидела, что к «Опелю» подходит Герман. Собственно, сегодня в сквере они сидели из-за него. Розов, заметив её, улыбнулся и направился к ней.

– Привет ещё раз. А где твоя подруга?

– Ушла домой, – неожиданно заявила Кармель, моля о том, чтобы Елена задержалась в магазине. – А откуда ты знаешь, что мы подруги?

– Сказали. Послушай, Кармель, у меня завтра на даче состоится небольшая вечеринка, ты не могла бы передать Леночке, что я приглашаю её. Я не могу ей дозвониться. Лады?

– Без проблем, – спокойно ответила Кармель, неприятно пораженная и уменьшительно-ласковым именем подруги и тем, что он даже не подумал её пригласить. Злость, неприятная ей самой, поднялась с глубины души и захлестнула Кармель. Она взяла себя в руки, тренировка, выработанная за несколько лет, позволила голосу не дрогнуть и чуть игриво произнести: Я скажу подруге. А ты не хочешь и меня пригласить? – Она посмотрела ему в глаза, отмечая их холодность и блеск.

«И что только нашла в нем Стрижик? Ну да, он симпатичный, но какой-то примороженный», – промелькнуло у неё в голове. Кармель могла поклясться, она знает, о чём он думает, нахмутив густые светло-коричневые брови.

«Черт с ней, приглашу и её, негоже ссориться с подругой Лены. Несколько часов можно и потерпеть». – Герман выдавил из себя улыбку.

– Конечно, приходите вместе.

Кармель чуть не расхохоталась: «Боже, как они все предсказуемы». Она сдержала смех и поинтересовалась.

– Говори адрес и время, мы на машине.

– Дачный посёлок «Калинка», улица Ольховая, десять. Жду вас к обеду.

– Всё, пока. Приедем. – Кармель помахала ему рукой.

Розов покачался с пятки на носок, раздумывая о чём-то. Она прервала его размышления.

– Пока, Герман, до завтра. Через час увижу Лену и всё ей скажу. «Да иди уже!», – торопила она его мысленно.

Розов пошёл к машине. Кармель быстро выхватила из сумки телефон подруги и удалила пропущенный звонок. Едва Герман уехал, как из-за угла показалась сердитая и покрасневшая Елена.

– Представляешь, Карамелька, взяла один пакетик с соком – он лопнувший, взяла другой, тоже открыт. Я этой дуре продавщице говорю: «У вас есть нетронутые пакеты?» Так она такой хай подняла! Мама родная! На, держи твоё мороженое, – подруга протянула пломбир.

На минуту у Кармель проснулась совесть. «Может, стоит сказать о приглашении Германа? – размышляла она, но тут же оборвала себя: – Щас! Вот выиграю пари, и пусть Розов катится, к кому хочет. Ленка, скорее всего, использует эту уловку с чувствами, чтобы победить меня».

– Ой, а машины Германа нет на стоянке! – воскликнула Лена, заметив пропажу. – Ты видела его?

– Видела с какой-то девицей. Они ворковали, как голубки.

Лицо Елены сразу стало мрачным, глаза погрузнели.

– Ну и хрен с ним, – бросила она с досадой, – в этот раз ни тебе, ни мне не обломится. А я думала: он другой. Пошли, чего теперь высидивать! – В её голосе зазвенели слёзы.

«Шалишь, подружка, я знаю все твои уловки», – усмехнулась Кармель, но на душе почему-то стало мутно.

Она завезла Лену домой, прощаясь, сообщила, что на выходные собирается в деревню.

В субботу Кармель проснулась в восемь утра, позавтракала и отправилась в спа-салон. Она должна быть во всеоружии на встрече с Германом. В половине двенадцатого, благоухая кремами и духами, в новом платье она села за руль любимой «Ауди». Вчера Кармель расспросила брата, где находится «Калинка» и теперь, зная дорогу, ровно в двенадцать подъехала к дому номер десять.

«Точность привилегия королей», – хмыкнула она и припарковала машину на подъездной площадке. Кармель не успела выйти из машины, как ворота открылись и Розов быстрой походкой направился к ней. Девушка успела заметить разочарование на его красивом лице.

«Ничего-ничего, сейчас ты забудешь Стрижика», – подбодрила себя Кармель.

– А Лена не приехала с тобой?

– Извини, Герман, у неё другие планы. Она посоветовала нам не скучать и хорошо поведаться.

Он приподнял правую бровь и холодно заметил:

– Даже так?

Розов провел её к двухэтажному дому, построенному в псевдорусском стиле. Избыток резных деревянных украшений на фронтоне, фасаде, ставнях немного портил впечатление от красоты резьбы. На открытой веранде был накрыт стол, возле дорожки стоял мангал с доражающими дровами. Шашлык на блюде источал умопомрачительный аромат.

– Гости ещё не прибыли? – поинтересовалась Кармель, окидывая взором клумбы с цветами и ухоженную лужайку.

– Я ждал только вас, – хмуро произнёс Герман и уселся за стол, не предложив ей стул.

Кармель не стала капризничать и, не дожидаясь приглашения, опустилась на стул напротив Розова.

Он вздохнул.

– Шашлык остывает. Давай поедим что ли. Пить будешь? – Герман откупорил бутылку красного вина.

Кармель обрадовалась: вино поможет расслабиться, а главное, под его влиянием умеючи можно многое изобразить.

– Немного. Половину бокала. Я быстро пьянею.

– Насколько быстро? – ехидно осведомился Розов.

Девушка растерялась. Всё шло не так, как обычно. Герман не обратил внимания ни на её идеальный внешний вид, ни на глубокий вырез платья, открывающий женские прелести. Он даже не старался скрыть недовольство.

Кармель занервничала: «Неужели ему так понравилась Ленка, и все это я затеяла зря? Опять проиграю подруге? Нужно срочно брать себя в руки! – Кармель залпом выпила вино и скривилась: – «Кагор». Ой, только не он!» – Её передернуло от отвращения.

Глядя на её гримасы, Герман весело засмеялся:

– Извини, бутылка без этикетки, и я думал, что это сухое вино. Ты не переносишь «Кагор»?

Кармель кивнула и попыталась заесть отвратительный вкус вина зеленью и лимоном. Розов открыл вторую бутылку и, налив себе в бокал вина, отхлебнул.

– О! То, что надо. – Герман налил себе и гостье полные бокалы. Не дожидаясь гостыи, не говоря тост, он медленно выпил вино и принялся есть.

Кармель от расстройства сделала несколько больших глотков, потянулась за ломтиком сыра и тут поймала взгляд Германа на своей груди.

«Лед тронулся, господа», – подумала она с удовлетворением и повеселела.

– Ты давно знаешь Лену? – поинтересовался Розов, налив себе и Кармель ещё вина.

– С шестого класса. – И она принялась рассказывать смешные истории и проделки из детства.

Герман слушал с удовольствием и заразительно смеялся над незадачливыми подругами, залезшими в сад за черешней и попавшими в западню. Старик-сосед поймал их на дереве, а потом гонялся за ними по саду с пучком крапивы в руках.

– Он сорвал крапиву голыми руками, но ему хоть бы хны. А у нас все ноги и попы оказались в волдырях, мы с трудом от него убежали и долго потом не могли без содрогания есть черешню.

– Бедные, вы бедные, особенно ваши попы, – смеялся Герман и подливал вина.

Потом они отправились на озеро. Кармель сняла туфли и красиво побегала по траве. Герман ловить не стал, а только ехидно прокомментировал, отчего она снова почувствовала себя полной душой. Настроение у неё снова упало. Кармель без удовольствия покаталась на лодке по озеру. Розов размашисто греб веслами и рассказывал о дедушкиной даче и его увлечении резьбой по дереву. На обратном пути к дому она использовала последнюю уловку – якобы подвернула ногу. Герман не стал охать, спокойно осмотрел щиколотку и предложил опереться на его плечо. Он не стал нести её на руках, как она задумала, и Кармель пришлось некрасиво хромать, изображая страдания. Когда она споткнулась по-настоящему и еле удержалась на ногах, Розов подхватил, довольно грубо сжав руку.

«Всё! С меня хватит. Надоело изображать восторженную идиотку, пытаюсь его соблазнить. Придется признаться во всём, иначе будет ещё хуже», – сообразила Кармель и облегчённо вздохнула.

Они вернулись к дому. Герман схватил бутылку со стола, но Кармель забрала её и отставила в сторону.

– Пообещай, что не будешь орать на меня. Я хочу рассказать тебе правду.

– Какую нафиг правду!

– Сначала скажи, как я вернусь домой, – насупилась Кармель.

– Попрошу соседа Сашку, он сядет за руль твоей машины.

– Хорошо. Мы с Леной часто разыгрываем пари, совершенно безобидные, – попыталась она успокоить, насторожившегося мужчину. Спорим, кому удастся покорить новичка? Кому он назначит свидание? Поэтому мы с Леной прицепились к тебе вдвоём.

– Что? – Герман разозлился: – Вы изображали интерес, а сами смеялись надо мной? Вам было занятно, на кого я клюну?

– Ничего мы не смеялись. Я разыгрывала интерес, а Лене, думаю, ты понравился по-настоящему.

– И что же она тогда не приехала? – Ноздри прежде холодного блондина раздувались от гнева, лицо покраснело.

– А я ей ничего не сказала. Она не знает о твоём приглашении, твой звонок стёрла. – Кармель вздрогнула, глядя на разъяренного Розова. – Что я такого сделала? Я же призналась. Ты можешь ей позвонить. Завтра увижу Ленку и объяснюсь. Она тебе понравилась?

– И со сколькими идиотами вы проделали такие «шутки»? – Герман с презрением смотрел ей в глаза.

– Какая разница? Лена сказала: с тобой всё по-другому, но я не послушала её. – Кармель поднялась. – Думаю, ты тоже поразвлекся сегодня на мой счёт. Неужели нельзя всё перевести в шутку и забыть?

– Вы уже напустились вволю. – Розов набрал номер на телефоне. – Саш, большая просьба, отвези девушку. Ты как раз собирался в город, заодно и доедешь.

Вот так всё и произошло. Она попыталась объяснить с подругой по телефону, но Елена бросала трубку. Кармель понимала: если она не успеет вымолить у Стрижика прощения, до рассказа Розова, потом это будет сделать сложнее. Поговорить не удалось, и в чёрный для Кармель понедельник подруга отказалась с ней общаться. Елена и Герман стояли у окна возле аудитории «Экономики» и держались за руки. При появлении Кармель Розов глянул на неё с презрением, подруга потрясённо, а потом они просто отвернулись. Кармель улучшила минуту и подошла к Елене в перерыве между лекциями. Стрижик посмотрела ей в глаза и спокойно сказала:

– Ты мне больше не подруга и, будь добра, забудь о моём существовании. Я о тебе уже забыла.

Кармель растерянно начала бормотать оправдания.

– Да я больше никогда... Я думала, что продолжается обычный наш розыгрыш... Но если ты... я на него даже не гляну, обещаю... Да он мне и даром не нужен...

Лицо Елены осталось холодным, но в голосе прозвучало раздражение.

– Ты меня знаешь, если я сказала всё, значит всё. Теперь ты для меня пустое место.

Кармель знала эту особенность подруги, если она, по какой либо причине, переставала общаться с человеком, то это навсегда. Переубедить её было невозможно. Она опустила голову и вернулась на своё место. Еле высидела последнюю пару лекций, хотелось спрятаться ото всех и всласть выплакаться.

А теперь она бегала по комнате и глаза её были сухи. Кармель осознала, что потеряла подругу, и это приводило в ужас. Она не представляла своей жизни без Стрижика, девять лет они общались ежедневно. Ей она могла пожаловаться на родителей и поведать свои обиды, ей рассказывались смешные детские, а потом и взрослые тайны.

«Ну я же извинилась, – бормотала Кармель, вышагивая по комнате. – Чего она так надулась? В конце концов, могла я не разобраться и не принять её чувства всерьёз? Я же потом всё исправила! – топнула ногой девушка от клокотавшего в ней негодования. – Из-за какого-то парня рушить дружбу! – И тут Кармель остановилась. – А ведь точно. Ленка готова разорвать со мной отношения из-за Германа – значит, действительно, влюбилась по-настоящему. Вот и не хочет рисковать».

Кармель села на кровать и задумалась. Она вдруг поняла, подруга не доверяет ей, поэтому и решила подстраховаться, избавившись от её присутствия рядом с объектом своей страсти. Елена так сильно ревнует, и настолько потеряла голову, что больше не дорожит их дружбой. Они слишком долго вели себя, как глупые подростки, играя чужими чувствами, и долго не хотели взрослеть. Ленка, наконец, повзрослела, а она ещё нет. Кармель исполнилось двадцать два года, но она не могла назвать себя самостоятельным человеком, плыла по течению жизни, словно щепка по реке, куда вынесут обстоятельства. Отец, зная, что дочери легко дается математика, предложил ей выучиться на бухгалтера-экономиста.

– Мне на фабрике нужен свой бухгалтер, – заявил Натан Михаэлевич, – а ты не решила, чем займешься после школы. Вот и поступай в местный институт.

Кармель не возражала, к тому же подруга как раз собиралась поступать в это учебное заведение. За компанию с Леной она отправилась сдавать экзамены.

Кармель сидела на кровати и вспоминала о прошедших студенческих годах с ностальгией. Она училась легко, без напряжения, и всегда помогала Елене, которой учеба давалась труднее. Свободное же время подруги посвящали поиску развлечений.

На первом курсе, сражаясь за внимание однокурсника Игоря Власова, Лена под большим секретом сообщила ему, что Кармель больна чесоткой. Подруга выиграла спор, записав себе дополнительный балл, а Кармель долго не могла понять, почему от неё, как от прокажённой, шарахается Игорь. Спустя некоторое время Стрижик призналась в уловке, и они вместе посмеялись над легковерием парня. Кармель не обиделась и признала выдумку подруги забавной. Они часто использовали друг против друга безобидные подставы, а потом вместе потешались над мужчинами.

Сейчас Кармель впервые пришло в голову: вели они себя не очень порядочно, а порою и довольно мерзко. Она поёжилась, встала с кровати и подошла к окну. Дождь продолжал моросить. На душе скребли кошки. Кармель не представляла, как будет существовать без общения с подругой. Жизнь вдруг показалась ей пустой и никчёмной.

«А может, она такой была и раньше, просто я в суматохе будней не замечала этого? – загрустила Кармель. – Во всяком случае, придется как-то жить дальше».

В институте Кармель не раз сталкивалась с Леной то в коридоре, то в аудитории, но та демонстративно отворачивалась и уходила. Надежда на примирение таяла с каждым днем, она поняла: Лена не изменит своего решения. Экзамены Кармель сдала автоматом, впереди у неё была масса свободного времени: целых три летних месяца. Сдав последний зачёт, она вернулась домой и застала мать в расстроенных чувствах.

– Мама, что произошло?

Ася Ивановна очнулась от своих мыслей и посмотрела на дочь. Последний месяц Кармель ходила сама не своя, она не посещала дискотеки и кафе, не шлялась с подругой по барам, а тихо сидела дома. Да и Елена что-то давно не заходила к ним в гости.

– Ничего не случилось. Просто завтра покупатели приедут смотреть бабушкин дом, а мне некогда с ними встретиться. Как нарочно, весь день расписан буквально по минутам.

– Я свободна, мне совершенно нечего делать. Давай я с ними встречусь и всё обговорю. Мать обрадовано всплеснула руками.

– Ты меня здорово выручишь. Документы в папке. – Ася Ивановна показала на красную кожаную папку, лежащую на столе. – Мы с папой обговорили: больше шестисот тысяч вряд ли удастся запросить. Держись этой суммы. Если они согласны, то пусть приезжают в город, оформим сделку. Тебе только нужно показать дом и документы.

– Хорошо. Когда нужно быть в Захарьино?

– Покупатели обещали к двум пополудни. – Мать обеспокоенно посмотрела в бледное лицо дочери. – У тебя всё хорошо? Ты не влюбилась?

Кармель хмыкнула: по мнению мамы, все беды и печали от любви.

– Нет, не влюбилась. Просто мне скучно. А у Елены теперь другие интересы.

– Вы что поссорились?

– Можно и так сказать. У Ленки как раз-таки сердечные дела...

– Понятно. Парня не поделили? – прозорливо воскликнула Ася Ивановна. – Если замешан мужчина, то дружбе конец. Я через это уже проходила.

Кармель невесело улыбнулась:

– Меня Герман не интересует, но Лена этого не понимает.

Мать усмехнулась:

– Она не хочет рисковать и правильно делает.

Кармель вспыхнула:

– Ты на её стороне!

Мать поправила белоснежный локон, глянула на изящные золотые часики, украшающие запястье.

– Я ни на чьей стороне, но в любви, как на войне.

Кармель не стала спорить и объясняться. Ей стало досадно. Помешались все на этой любви: «Где она? Ау? Почему я ее не встретила».

– Я пойду собираться, завтра утром отправлюсь в деревню. Полезно хотя бы на день сменить обстановку.

Кармель вела машину со скоростью двадцать километров в час, объезжая бесконечные ямы и колдобины на асфальте. Последний раз она приезжала к бабушке девять лет назад после окончания шестого класса. Уже тогда дорога пестрила выбоинами, а с годами она превратилась в ловушки для автомобилистов. Проехав по федеральной трассе пятьдесят километров от

Армавира до поворота на деревню за тридцать пять минут, оставшиеся двадцать километров до села Захарьино Кармель преодолевала целый час. Чем дальше она продвигалась от трассы, тем более запущенной казалась местность. Лесополосы стали непроходимыми, заросли кустарником и молодой травой. Обочину дороги тоже никто не скашивал, бурьян вплотную подступил к древнему асфальту. Кармель вспомнила слова бабушки Маши, которые она сказала в свой последний приезд к ним.

– Рушится село. Смотреть больно. Исчезают целые хутора и села, а ведь раньше каждый клочок земли обрабатывался. Сначала отделение совхоза ликвидировали в хуторе Благодарном, потом у нас в Захарьино, а затем совхоз и вовсе исчез. Новые хозяева коров, свиней и кур пустили под нож. Работы не стало, и люди стали переезжать кто в город, кто в райцентр. Управляющий оставил с пяток трактористов, засевают поля тем, чем выгоднее, а на остальное ему плевать. Закрыли садик, школу, фельдшерский пункт, почту, остался клуб с библиотекой, но и это ненадолго. Сейчас у нас из двух с половиной тысяч населения хорошо если человек пятьсот осталось, да и то старики-пенсионеры.

Отец оторвался от газеты, отхлебнул глоток кофе и заметил:

– Это называется урбанизация. Новое время, Мария Николаевна. Нерентабельные производства уходят в прошлое, люди переезжают ближе к благам цивилизации. А ваши деревни отжили своё, и не стоит о них сожалеть. Села укрупняются, к ним проще провести всю инфраструктуру: газ, свет, канализацию, интернет в конце концов. Я бы и оставшихся стариков переселил в один высотный дом-пансионат и государству проще, и голова не будет болеть, что с вами делать зимой.

Бабушка покачала головой.

– Это равносильно, что посадить в тюрьму. От тишины и покоя, от своей хаты стариков засунуть в каменную коробку, да и разбросать по клетушкам. Пусть тихо мрут и не мешают вашей урбанизации.

Кармель была согласна с отцом. И не понимала, как можно держаться за старые дома, огороды, когда можно жить в городе припеваючи и не волноваться, где купить уголь и дрова. А если заболел? «Скорую» можно не дожидаться – упёртые эти старики. Мать отправляла её на летние каникулы к бабушке, пока ей не исполнилось одиннадцать лет. Потом она стала брать Кармель с собой на море. В детстве и Эйтан ездил в Захарьино, а потом перестал, ему там было скучно. Они не баловали бабушку Машу своим приездами, поэтому она стала раз в год приезжать к ним сама, обычно осенью. Появлялась усталая, нагруженная сумками с деревенскими подарками. Мать обычно злилась, говоря, что не стоило тащить продукты, все можно купить в магазине, тем более, они люди не бедные. Ася Ивановна ужасно стеснялась свою мать и боялась, что старушку увидят городские подруги. Бабушка Маша робко ходила по огромному дому, пугалась кофеварки и посудомоечной машины, пыталась общаться с внуками, но они, поговорив с ней минут пять, утыкались в свои компьютеры. Всё облегченно вздыхали, когда старушка, погостив дня три, уезжала. Кармель была в пешем походе с друзьями, когда умерла бабушка. Узнала она об этом только, когда вернулась домой. Мать сообщила печальную новость, как бы между прочим, собираясь в парикмахерскую. Кармель кольнуло в сердце, она вспомнила, как бабушка баюкала её в детстве, пела песни и шила платья куклам. А она даже не проводила бабушку в последний путь.

– Мама, а почему ты мне не сообщила?

Ася Ивановна, поправив причёску возле зеркала, удивлённо обернулась.

– Зачем? С похоронами мне помогли соседи, папа всё организовал. Какой смысл был отрывать тебя от похода. Через год будем ставить памятник, вот и побываешь на могиле бабушки.

Машина подпрыгнула на ухабе. Кармель, пытаясь объехать очередную яму, резко повернула руль и вылетела на обочину. «Ауди» юзом заскользила по траве в канаву. Девушка с тру-

дом выбралась из машины и осмотрела ее. «Ауди» задом съехала с дороги и стояла почти вертикально. Кармель не заметила повреждений, но поняла: самостоятельно на дорогу ей не выбраться. Солнце поднялось высоко и уже стало основательно припекать. Кармель достала из пакета бутылку минеральной воды и с жадностью выпила половину. Посмотрела на часы – полдень.

«До приезда покупателей еще два часа. Если никто не проедет по дороге раньше, одна надежда на них. Буду просить вытащить меня из канавы», – размышляла она, расхаживая по дороге взад-вперед. Прошел час, ей захотелось есть, Кармель отругала себя за то, что не додумалась взять с собой бутерброды. Допила воду, уселась на траву рядом с «Ауди», вставшей на дыбы. Послышался какой-то треск и грохот, из-за поворота показался трактор. Обрадованная Кармель вскочила на ноги и замахала руками. Трактор остановился, из него выпрыгнул замурзанный мужичонка в спецовке, покрытой масляными пятнами, и с любопытством уставился на неё.

– Однако! Ты чё, девка, только права получила? Как это тебя угораздило свалиться с дороги?

Кармель покраснела и нахмурилась. Она возвышалась над низкорослым трактористам, как пожарная каланча.

– Попыталась объехать яму и вылетела в кювет. Вы не могли бы вытащить меня. Я заплачу.

Мужичок задрал голову, сплюнул сквозь зубы.

– Само собой. Гони пятихатку.

Кармель спустилась к машине, вытащила сумку и достала из кошелька пятьсот рублей. Тракторист, присев на корточки, заглядывал под днище машины и что-то недовольно бормотал. Она протянула ему деньги.

– Буксировочный трос есть? – Мужичок отряхнул руки от налипшей земли, заграбастал денежную купюру черной от мазута рукой и ехидно глянул на горе-водительницу.

Кармель растерялась.

– Я не знаю. Как-то не приходилось пользоваться...

– Как же ты едешь? Ездюля, – ухмыльнулся собеседник. – Открывай багажник.

Спустя всего десять минут «Ауди», вытащенная из канавы, на тропе, найденном в багажнике, стояла на дороге.

– Заводи, – скомандовал мужичок.

Кармель села за руль и повернула ключ. Мотор молчал. Девушка испугалась не на шутку.

– Она была исправна! Что же мне теперь делать?

– Ты ехала в Захарьино? К кому? – полюбопытствовал мужичок. Его лицо сияло от удовольствия и предвкушения дополнительного заработка.

Кармель, заметив его довольный вид, помрачнела:

– Ни к кому. Я ехала показать покупателям бабушкин дом. Вы Устинову Марью Николаевну знали?

– А как же. А ты, значит, её внучка. Давай так. Я дотащу тебя до своего дома. Сын у меня занимается ремонтом машин, вот и поглядит твою красавицу. Считаю тебе здорово свезло. Тысяча рублей за доставку. – Тракторист потёр руки.

Кармель вздохнула и полезла в кошелек за деньгами.

Мужичок, получив деньги, забрался в кабину и завёл трактор.

Она рулила, пытаясь объехать рытвины. Через полчаса показались первые дома деревни. Трактор проехал ещё метров пятьсот и остановился возле дома, крытого новенькой черепицей. Перед воротами дома в живописном порядке стояли машины в разной степени разобранности. Часть из них красовалась ржавыми крыльями и капотами, некоторые стояли без колес и крыши. Кармель вышла из машины, скептически оглядела импровизированную автомастерскую.

«Надеюсь, здесь не доломают мою красавицу», – расстроилась девушка.

– Сашка, вылазь. Я тебе срочный заказ доставил. – Мужичок обратился к ногам, выглядывающим из-под старой «Волги», поднятой на домкратах.

Обладатель ног выкатился на тележке из-под днища машины. Встал и посмотрел сначала на клиентку, потом на «Ауди». Кармель с удивлением глазела на огненную шевелюру молодого мужчины, на необыкновенно яркие зелёные глаза. Искра узнавания забрезжила в голове.

– Сашка-Крыжовник! – воскликнула она.

– Откуда ты меня знаешь? – Мужчина улыбнулся: – Сто лет не слышал свою детскую кличку.

– Ты меня не узнаешь? Это же я Кармель.

– Карамелька? – Александр прищурился, пытаясь разглядеть подружку детства в холерной красавице. – Тебя трудно узнать, ты сильно изменилась. – Он, хмыкая, обрисовал руками скрипичные формы девушки. – А я помню черноглазую штaketину. Извините мадам, не узнаю. Что с машиной? – перешел он на деловой тон.

Кармель вздохнула. Сашка явно не собирался предаваться воспоминаниям детства.

– Слетела с дороги в канаву.

– Сынок, я поехал, и так задержался, а мне ещё кукурузу культивировать. – Мужичок полез в кабину тарахтящего монстра.

Они проводили взглядом трактор, подпрыгивающий на кочках сельской дороги. Александр вытер руки ветошью и поднял капот «Ауди».

– Сейчас гляну. Будешь ждать?

Кармель посмотрела на крохотные часики на запястье.

– Нет. Через десять минут приедут покупатели. Я вернусь, как только побеседую с ними.

Она хорошо помнила дорогу до бабушкиного дома, но теперь не узнавала прежнее Захарьино. Только сейчас обратила внимание на запущенность улиц и заброшенность домов. За неполное десятилетие, прошедшее с её последнего приезда в деревню, всё переменялось в худшую сторону. Часть домов выглядела заброшенными: на фронтонах и оконных рамах облезла краска, дворы и палисадники заросли травой. Возле дома бабушки Кармель увидела чёрный джип. При её появлении из него вышли двое: пожилой, толстый мужчина в сером костюме-тройке и элегантная дама лет тридцати.

– Вы задержались на десять минут, – укорил толстяк и недовольно сдвинул к переносице белёсые брови.

– Дорога ужасная, глухомань несусветная, – капризным голосом пропела женщина и с любопытством оглядела Кармель.

Девушка, услышав знакомые нотки в голосе покупательницы, так разговаривала её мать, почувствовала раздражение.

– Дом смотреть будете?

– Ну, домом это строение назвать сложно... – хмыкнул мужчина.

После смерти бабушки за домом никто не ухаживал и вездесущая трава заполонила двор, высокие кусты лебеды выросли в палисаднике под окнами. Дом показался Кармель маленьким, своим жалким видом он напоминал собаку, брошенную хозяевами без присмотра. Дровяной сарай, стоящий рядом с домом, потемнел от времени и только добавлял мрачных красок в картину запущенности подворья.

Покупатели придирчиво обошли строения, походили по саду, состоящему из десятка фруктовых деревьев.

– Давайте глянем, что внутри, – предложил толстяк, с его лица во время осмотра не сходила брезгливая гримаса. Она до зубовного скрежета злила Кармель, хотя её тоже потрясла заброшенность и какая-то сиротская бедность бабушкиного дома.

Кармель отомкнула дверь и пропустила покупателей вперед. В лицо пахнуло застоявшимся воздухом нежилого помещения: пылью, смесью каких-то лекарств и мышами. Кармель помнила этот дом, напоенный ароматом булочек, пирогов и её любимого грибного супа. В детстве комнаты казались ей просторней, уютней, потолки выше, а теперь она обнаружила, что небольшие комнаты заставлены дешевой мебелью начала семидесятых годов прошлого столетия, стены и потолки побелены известью, полы выкрашены дешёвой коричневой краской.

– Сами видите здание далеко не фонтан. Предлагаю за него триста тысяч, – заявил толстяк и засунул руки в карманы.

Мать сказала, чтобы она не соглашалась меньше, чем на шестьсот тысяч. Кармель сама считала: цена матерью несколько завышена и собиралась предложить покупателю среднюю цифру – четыреста пятьдесят. Но не успела открыть рот, как толстяк возмутился:

Дом годен только под снос. Платить за хлам я не собираюсь. И вам больше никто не даст.

Кармель вспыхнула:

– Зачем же вы собираетесь покупать хлам?

Покупатели переглянулись. Толстяк буркнул:

– Маме захотелось деревенского покоя и чистого воздуха.

Женщина закатила глаза и презрительно усмехнулась. Кармель поняла, что старушка просто надоела, и её решили отправить куда подальше.

– Ниже цену я не сброшу, – уперлась она, внезапно возненавидев эту парочку.

Мужчина схватил свою спутницу за руку и вытащил на улицу. Кармель в окно наблюдала, как он размахивал руками, пытаясь в чём-то убедить женщину. Спустя минут пятнадцать толстяк вернулся в дом и, вытирая вспотевшую лысину сообщил:

– Мы подумаем и позвоним вам.

Кармель пожала плечами.

Джип с покупателями отъехал от дома. Кармель вышла на улицу и отправилась к Сашке, выяснить, что с машиной? У двора Кузнецовых возле «Ауди» крутились трое парней. Крыжовник стоял рядом и, прищуривая глаза, курил.

– Саш, ну что там с моей красавицей? Я могу ехать домой?

Кузнецов усмехнулся, выбросил сигарету и лениво процедил сквозь зубы.

– Не-е-а. Завтра поеду в город запчастей куплю, если, конечно, у тебя есть деньги. Датчики полетели.

Кармель, осознав, что ей придется заночевать в доме бабушки, расстроилась:

– Сколько нужно?

Крыжовник, сверкнув зелеными глазищами, ухмыльнулся:

– Тысяч пять не меньше, чек привезу, не волнуйся.

Она достала из сумочки пяти тысячную купюру протянула Сашке. Он осторожно взял бумажку пальцами, чёрными от машинной смазки, и сунул во внутренний карман спецовки.

– Девушка, а как вы попали в наши Палестины, – поинтересовался высокий парень в мятой рубашке и грязных джинсах.

Кармель вспыхнула: «Намекает на её еврейскую внешность или просто так ляпнул?»

– У меня бабушка здесь жила.

Квадратный, похожий на шкаф коротышка в спортивном костюме уставился ей в лицо маленькими заплывшими глазками.

– Карамелька, ты что ли? – воскликнул щуплый, высокий, симпатичный парень в круглых очках.

Кармель присмотрелась.

– Анохин? Гвоздик?

Мужчина засмеялся:

– Ага. А их, не узнаешь? – Гвоздик показал на неряху и «шкафа».

Кармель покачала головой. Анохин хлопнул себя по бедрам и повеселел ещё больше.
– «Катушка» и Чуча.

Кармель недоверчиво оглядела мужчин. Неужели маленький юркий Толик Егоров превратился в шкафообразного качка, а симпатяга Сергей Панов, который очень нравился ей в детстве, в неряшливого бомжеватого вида мужичка. Детская кличка Чуча сейчас к нему подходила идеально.

– Может... это... отметим встречу, – предложил Сергей и облизнул губы.

Кармель поморщилась, представив общение с бывшими друзьями юности. Крыжовник заметил её гримасу и съязвил:

– Чуча, ты придурок. Карамелька теперь богатая девочка, птица не нашего полёта. Она пьёт абсенты и аперитивы. Не лез бы ты со своим рылом да в калашный ряд.

– Да я ничё? Только неплохо бы проставиться за приезд. Это б было по-нашенски, – Чуча шмыгнул носом и подтянул штаны, сползающие с костлявых бёдер. – Светка вчера завезла натуру, не палево, я бы сбегал – купил.

Кармель вытаращила глаза, последняя фраза прозвучала для неё загадкой.

Сашка Кузнецов засмеялся, глядя на выражение лица подружки детства:

– Продавец Света привезла в магазин заводскую водку, а не контрафактную продукцию кустарей, – перевёл он слова Чучи.

Теперь захохотали друзья.

– Эх, завернул, Кузнец, звучит так, будто зачитываешь протокол в полиции, – усмехнулся Толик.

Кармель открыла кошелек и обнаружила единственную купюру в пятьсот рублей.

– Банкомат в Захарьино есть?

Чуча сплюнул сквозь зубы.

– Значит, не проставишься? Банкомёта-то у нас немає.

Анохин смутился и попытался урезонить Чучу.

– Чего ты к ней пристал! Хороша встреча друзей детства.

Кармель вспомнила, что в багажнике лежат две бутылки элитного коньяка, они с Леной хотели подарить преподавателю Экономики на день рождения. Чисто из уважения. Но потом дружба подруг разбилась, про коньяк благополучно забыли.

– Будет вам магарыч, – обрадовала она Чучу, – если только коньяк не разбился. – Кармель открыла багажник и торжественно извлекла два деревянных ящичка, украшенных гравировкой.

Толик подхватил у неё ящички и водрузил на стол, стоящий под раскидистым ясенем. Потом смахнул тряпкой пыль со столешницы, постелил газетку на лавку и похлопал по ней рукой.

– Ну, раз такое дело садись, Карамелька, выпьешь с нами пару капель.

Она осмотрела лавку в пятнах мазута, газетку не первой свежести, представила, во что превратятся её шёлковые брюки и покачала головой.

– Я, в общем-то, не пью, да и мне ещё нужно устроиться на ночлег, хоть немного прибраться в доме...

Толик прервал её объяснения.

– Пара капель и ты свободна.

Кармель вздохнула. Гвоздик вытащил из кармана большой клетчатый носовой платок и постелил поверх газетки.

– Прошу, мадам.

Появился Сашка, держа пять стаканов в одной руке, в другой блюдечко с нарезанным лимоном. Толик вытащил бутылки из ящичков.

– Мать честная, армянский, пять звёздочек. Ну ты, Карамелька, даёшь.

Все расселись вокруг стола. Толик откупорил бутылку и сноровисто разлил коньяк по стаканам. Карамель сидела рядом с Гвоздиком, напротив них расположились Сашка, Толик и Чуча.

– Ну, за здоровье присутствующих и чтобы Карамелька почаще навещала в гости, – с ухмылкой произнёс Сашка.

Она посмотрела на стакан, опустила его вниз и украдкой подолом кофточки вытерла его края.

– Чего греешь в руках, пей, – посоветовал Толик. Он прихлёбывал коньяк маленькими глотками, наслаждаясь напитком.

Кармель старалась не глядеть на Чучу, который трясущейся рукой, поднес стакан ко рту. Зубы выбивали на стекле дробь, пока он глотал жидкость. Она выпила коньяк и решительно встала с лавки.

– Думаю, дань детской дружбе я отдала, я теперь мне действительно пора. Саш, дай мне свой номер, я позвоню насчет машины.

Кузнецов продикувал. Отчего-то он смотрел на неё чуть неприязненно, с насмешкой, словно его забавляла эта ситуация.

– Ах, вы, заразы! – послышался визгливый женский голос.

Кармель обернулась. По улице ковыляла, переваливаясь, как утка, молодая беременная женщина. Она придерживала руками огромный живот. Её лицо, покрытое тёмными пигментными пятнами, тем не менее, было очень миловидным, его не портили даже расплывшийся нос и губы.

– Вот скажите, какого чёрта, вы тут собрались! Я тебя, гад, зачем посылала? – обратилась она к Толику.

Он ругнулся в полголоса.

– Марин, ну не злись. Я шёл в магазин, а ребята пригласили отметить встречу, не моргнув глазом, соврал он.

Женщина, сначала делала вид, что в упор не видит Кармель, теперь глянула на неё сердито.

– Вы кто такая? Хорошую же компанию себе нашли.

Кармель поставила стакан на стол, оказывается, она держала его в руке, и слегка озадаченно спросила:

– Маринка? Найдёнова?

Женщина прищурила глаза, в них появилась искра узнавания.

– Конфетка-ириска?

– Да! – Кармель взвизгнула и кинулась обнимать подружку из далёкого детства.

Мужчины расслабились. Гроза миновала. Толик бочком приблизился к жене.

– Марин, присядь, тебе ведь трудно стоять.

Марина расположилась с другой стороны от Гвоздика. Обрадованный Чуча воскликнул:

– Чисто символически, по пять капель дамам.

Сашка сбегал за стаканом, плеснул в него коньяка и подал Марине, Кармель налил чуть больше.

– Как ты тут оказалась? – удивилась Марина. Её нос блестел бисеринками пота, чёлка прилипла ко лбу.

– Показывала бабушкин дом покупателям.

– Понятно. Ну и как продала?

– Нет. А вы, ребята, значит вместе? – Кармель смотрела то на Толика, то на Марину. – Никогда бы не подумала, что вы поженитесь, в детстве вроде терпеть друг друга не могли.

– А я и сейчас его под мухой терпеть не могу.

– Марин, только не начинай, когда ты меня последний раз видела пьяным? – пробурчал Толик.

– Так ладно, надо идти, дети без присмотра остались. А ты, Толя, не расслабляйся, бегом в магазин за хлебом и молоком. – Марина тяжело поднялась славки.

– Я провожу тебя, – вскочила Кармель.

– А ты, значит, поддалась на провокацию Чучи, а ему лишь бы нализаться, тогда и день не зря прошёл. Он и Толика вечно с панталыку сбивает.

– Марин, а что случилось с ним? Почему видный, весёлый парень превратился в алкаша?

Марина вздохнула:

– Если бы мне десять лет назад сказали, что Сергей Панов, красавчик и балагур, будет пить по-чёрному, я выйду замуж за Толика, Сашка-Крыжовник, отличник и умница, останется жить в селе и будет латать машины, а Оля-Доходяга станет моделью в Москве – ни за что не поверила бы. Вот как жизнь повернулась. – Она искоса посмотрела на Кармель и добавила: – Пожалуй, только про тебя я всё верно предполагала: будешь, как сыр в масле кататься и жить без проблем.

Кармель возмутилась:

– Проблемы есть у всех.

Марина приостановилась, оглядела её и с ехидцей произнесла:

– Не можешь выбрать какое платье одеть? Или чем сегодня развлечься? Ты в Захарьино не приезжала много лет, не волновалась, как поживает родная бабушка. Сомневаюсь, что тебе на самом деле интересно, что произошло с нами за эти годы.

Кармель почувствовала себя неуютно под её насмешливым взглядом.

– А мне всё-таки интересно.

– Скорее любопытно, как мы докатились до такой жизни, – уточнила Марина.

Кармель вспомнила: Марина и в детстве говорила, что думает, а свою точку зрения часто доказывала кулаками. Она мечтала поступить в Академию милиции и стать следователем.

– Чуча, демобилизовавшись, уехал в Армавир, через полгода привёз в Захарьино невесту, познакомить с родителями. Он и с нами её познакомил. У меня так и осталась в памяти: необыкновенно красивая влюблённая пара. В общем, его Оксана погибла за месяц до свадьбы, сбил лихач на пешеходном переходе. Сергей вернулся в деревню и запил, за два года я его ни разу не видела трезвым.

– Всего за два года он превратился в это чучело?! – поразились Кармель.

– Много ли надо умеючи, – усмехнулась Марина.

– А Крыжовник, почему он не учится в институте?

– Работать надо. Все деньги уходят на лечение матери. Ей чуть ли не каждый месяц делают диализ. У тётки Кати беда с почками. Ну что тебе ещё рассказать. Гвоздик живёт в городе, работает инженером на заводе, сейчас в отпуске, приехал к родителям.

Они подошли к небольшому аккуратному дому. Марина открыла калитку, откуда-то из кустарника вылетели два мальчугана лет пяти и бросились к ней. Заметив чужого человека, мальчишки притормозили и бочком двинулись к матери. Марина взяла их за руки.

– Признавайтесь, что натворили?

Пока дети в два голоса рассказывали о построенном замке на песке, об утеранных лопатках, о петухе, забравшемся в огород, Кармель во все глаза рассматривала крепких загорелых мальчишек, ужасно похожих на мать.

– Марин, это твои? – не сумела скрыть удивления Кармель. «Во сколько же она их родила?»

Марина догадалась, о чём она подумала и с улыбкой ответила:

– Так хорошо проводила Толика в армию, что через год родила этих оборотов. Одиннадцатый класс с большим животом закончила. Натерпелась... Сама понимаешь, мечты о выс-

шем образовании пришлось отложить. Хорошо, что Толик в армии получил профессию связиста.

– Значит, мамой ты стала в семнадцать лет? – прикинула Кармель, с любопытством поглядывая на обаятельные мордашки мальчишек, которые в свою очередь разглядывали её.

– Да. А Толик в девятнадцать папой. Ты, извини, у меня нет больше времени на болтовню, куча дел по хозяйству. – Марина недвусмысленно выпроваживала гостью.

– Приятно было встретиться снова. У тебя замечательные пацаны. Пока. – Кармель вышла на улицу

«А они неплохо всё устроили для детей. – Ей понравился двор. Несколько фруктовых деревьев давали желанную прохладу. В их тени располагались песочница, качели и деревянный домик. Вдоль забора цвели шарообразные кусты «невесты», по обеим сторонам дорожки, ведущей к крыльцу, алела пышная герань. – С ума сойти, у Маринки и Толика двое детей и скоро появится третий. Бедный Чуча, оказывается потерял невесту, а Крыжовник ради матери отказался от своей мечты конструировать новые машины и возиться теперь со старьём». Кармель споткнулась и чуть не растянулась на пыльной дороге. В животе заурчало. Она с сожалением вспомнила о не съеденном завтраке. Выпитая утром чашечка кофе осталась лёгким воспоминанием, коньяк же только возбудил аппетит. Не раздумывая, Кармель повернула к магазину. Он находился на том же месте, что и во времена её юности и, кажется, не слишком-то изменился. За прилавком стояла молодая женщина, из-под белой кружевной шапочки выглядывали красивые тёмные волосы.

– Мне полкило сервелата, булку хлеба, пачку сливочного масла, десяток яиц, чай, баночку кофе, грамм пятьсот твёрдого сыра, макароны, – вдохновенно перечисляла, глотая слюну Кармель.

– С вас семьсот пятьдесят, – сообщила продавец, укладывая продукты в пакет.

– Ой! – смутилась Кармель, краснея. Как помидор – У меня только пятьсот рублей.

– Что будем выкладывать? – губы продавщицы дрогнули в насмешливой улыбке.

– Кофе, – вздохнула Кармель.

К бабушкиному дому она шагала, ускоряя шаг. Перед глазами маячила яичница с колбасой и дымящаяся кружка с чаем. Возле калитки она переложила пакет из руки в руку, целлофан предательски лопнул, продукты вывалились на траву. Из десятка яиц целыми остались три штуки. Кармель уцепила пакеты пальцами, пачку чая и булку хлеба прижала к груди.

– Эй, ты кто такая? – послышался из-за соседского забора дребезжащий старушечий голос. И тут же в щель между досками просунула узкую морду такса, и зарычала на Кармель.

От неожиданности та подпрыгнула и выпустила пакеты. Оставшиеся яйца превратились в кашу. Кармель с огорчением поняла: яичницу ей сегодня отменяется.

– Чего ты, как тать шарить в чужом дворе? – повторил тот же голос, над забором показалась макушка в белом платочке.

– Я внучка Марии Николаевны, – Кармель поднялась на цыпочки, но разглядеть за дощатым забором собеседницу не удалось.

– Кармен? – переспросила макушка.

– Кармель.

– Щас управлюсь с хозяйством, приду гляну, что за Карамель такая, – пообещала невидимая старушка. Белый платочек исчез, такса рыкнула ещё пару раз и убралась.

Кармель отомкнула дом, занесла покупки на кухню. Пакет я разбитыми яйцами выкинула в мусорное ведро. В шкафу нашла полотенца, одним вытерла пыль на столе и подоконнике, с другим отправилась во двор к крану. Умылась, набрала ведро воды и вернулась на кухню. Безуспешно искала чайник, достала из шкафа кастрюльку, налила в неё воды. Газ не зажигался. Она чертыхнулась: «В Захарьино же нет сетевого газа, нужно открыть вентиль на газовом баллоне». Кармель вспомнила, баллон находился в деревянном ящике на улице.

Странно, раньше ей приходилось пропускать и завтрак, и обед, но такого желания съесть хоть что-нибудь раньше не возникало. Живот не просто урчал, он издавал немыслимые звуки. В ящике под окном никакого баллона не обнаружилось. Она вернулась в дом, сделала бутерброды. Кармель ела хлеб с колбасой и сыром, всё запивая водой. Насытившись, решила позаботиться о ночлеге. В комнатах на мебели, полу, подоконниках лежал слой пыли, пауки развесили паутину в дверных проёмах, углах, переплели люстры. В стареньком фанерном шифоньере нашлось постельное бельё. Кармель решила переодеться и немного прибрать в доме, не хотелось дышать затхлостью и пылью. Она перебрала платья бабушки, висящие на плечиках, одно висело отдельно в чехле. Кармель вытащила его из чехла и восхитилась: «Прелесть, какое винтажное». На васильковом фоне букетики белых ромашек. Она пропустила между пальцев лёгкий воздушный шифон, от платья еле уловимо пахло приятными духами. У неё запершило в горле, слёзы подступили к глазам, Кармель вспомнила этот запах, бабушка иногда, по большим праздникам капала на запястье капельку духов «Тет-а-тет. Такие духи когда-то ей подарил муж, она долго берегла флакончик и только один раз сумела купить точно такие же. Кармель повесила платье обратно в шкаф, достала простое льняное платье, переделалась и принялась за уборку. В доме, кроме кухни и коридорчика, было всего две небольших комнаты: спальня и зал. Она распахнула створки окон, все пыльные вещи: домотканые дорожки с пола, покрывало с дивана, шторы и тюль с окон вытащила в сарай и сложила в древний сундук. Кармель не прикоснулась только к кровати, на которой раньше спала бабушка. Она только накрыла её чистым покрывалом. Потом смахнула паутину, вытерла пыль и вымыла пол. Закончив уборку, уселась на вымытые порожки крыльца и поняла, что снова проголодалась, но больше всего ей хотелось чая или кофе, крепкого, ароматного. Послышались шаркающие шаги. Кармель насторожилась. Из-за угла дома по дорожке из необожжённого кирпича, отодвигая нависающие кусты лебеды и амброзии, к ней приближалось странное существо. Старушка лет семидесяти-восемидесяти, крохотного роста, в платке, повязанном, как бандана, вылинявших джинсах и белой футболке. В правой руке она держала мундштук с тонкой сигаретой. При виде сидящей Кармель она затянулась и картинно выпустила несколько колечек дыма. Шаркала она огромными мужскими сандалиями, которые комично смотрелись на маленьких ногах.

– Ага. Вот ты какая внучка Маши. А чего грязная? Трубочисты за твой вид сразу приняли бы в свою гильдию.

Кармель посмотрела на платье в пятнах и пыли.

– Рожица такая же, а на голове паутина. Убиралась что ли?

Кармель кивнула.

– Ночевать будешь?

Гостья получила в ответ ещё один кивок.

– У Маши в саду летний душ был, но бочка наверно проржавела, да и не доберёшься туда по бурьяну. По двору и то можно пройти с трудом. Сейчас он смотрится так загадочно, что режиссёр, снимающий ужастики, от зависти проглотил бы сценарий. – Старушка показала на заросли крапивы. – Да-а-а запустили вы подворье бабки. Сколько Маши нет? – И сама же ответила: – Полтора года. Чего ждёшь?

– Отдыхаю. – Кармель вдруг решила: – Вы не могли бы дать мне кипятку. Очень хочу чаю, а нагреть не на чем.

– А ну да. Газ израсходовали, готовили на поминки, а пустой баллон кто-то уволок. – Старушка выдохнула дым. – Возьми полотенце, и переодеться, выкупаешься, а потом попьёшь у меня чаю. Кстати, меня зовут Ираида Кимовна.

– Очень приятно, – обрадовалась Кармель. – Я мигом.

В шкафу ни одного халата не обнаружилось, пришлось брать ещё одно бабушкино платье. Кармель, захватила полотенце, остаток колбасы и сыра.

– Ну пошли, золушка. – Ираида Кимовна поплелась к калитке, за ней гарцуя на месте, как молодая кобылка, пошла Кармель. Девушке приходилось топтаться на месте, так медленно двигалась старушка.

Хозяйка показала Кармель ванную комнату и предупредила, что водогрейка рассчитана на сто литров, поэтому долго плескаться не удастся. Через полчаса чистая, довольная Кармель сидела за столом и пила чай с оладьями.

– Ираида Кимовна, в этом доме жила семья Кулик, я в детстве играла с их дочерью. Куда они делись?

– Продали дом и переехали в районный центр. Я здесь в ссылке уже шесть лет.

– В ссылке?

– А как назвать по-другому. Дорогая невестушка зудела, зудела, пока сынок не купил эту халупку и не перевёз меня сюда.

Кармель оглядела уютную кухню.

– Я бы не назвала этот дом халупкой. У вас паровое отопление, вода в доме...

– Ха! Конечно, бомжи бы, аплодировали этой хате, но я проживала и не в таких хоромах. А тут, как только зимой отключается свет, а это довольно часто, приходится топить углём и дровами. Нет электричества, не работает водогрейка, телевизор, телефон, а значит, нет и интернета. И что тогда? Хотя у меня получше. Твоя бабушка вон до самой смерти купалась в цинковой ванне, воду грела в кастрюле на газе, а в туалет на улицу бегала. Зимой кран во дворе перемерзал, и ей приходилось за водой до уличной колонки ходить. Мазохисты таким трудностям обзавидовались бы.

Кармель покраснела. Почему-то никто не подумал улучшить условия жизни бабушке, а она никогда не жаловалась. Ей предлагали переехать к ним, но она отказывалась наотрез, а мать не настаивала. Ираида Кимовна вставила в мундштук сигарету, щёлкнула зажигалкой.

– Куришь?

Гостья покачала головой и посмотрела в окно. Пока они разговаривали, на улице стемнело.

– Спасибо вам за чай и оладьи. Мне пора. – Кармель поднялась.

– Возьми свечи и спички, вон там на комод.

Девушка удивилась:

– Зачем? Есть же электричество.

– У меня да. А у вас ещё год назад оборвало провод к дому, и электрики просто обрезали его.

Кармель чертыхнулась. И тут же залаяла собака за дверью. Ираида Кимовна погрозила госте пальцем.

– При Инквизиторе нельзя упоминать чёрта, нервничает.

– Вы таксу назвали Инквизитором?

– Точно. Она почему-то не переносит ругань. Откуда знает, какие слова плохие, а какие нет, понятия не имею, – засмеялась старушка, сверкая безупречными явно вставными зубами.

Кармель хитро прищурилась и тихо произнесла:

– Гады, сволочи, заразы.

В ответ на её слова собака захлебнулась злобным лаем.

– Убедилась.

Девушка с той же интонацией добавила:

– Душка, умница, сокровище.

Лай сразу оборвался.

– Экая ты Фома неверующая, – пробурчала Ираида Кимовна.

Кармель разбудил собачий лай. Она перевернулась на другой бок и постаралась заснуть снова. Но сначала скулёж, потом грызня и долгий собачий хор поставили крест на её попытке досмотреть сон. Кармель глянула на дисплей телефона – три часа ночи. На ум пришло название этого времени: час ошибок, время, когда наиболее сильно физическое истощение. Сон совершенно покинул её. В открытое без занавески окно виднелось непроницаемо тёмное небо. Послышался какой-то шорох, скрипнула половица, что-то мягко прыгнуло на диван, Кармель от страха затаила дыхание и натянула простыню до подбородка. До её напряжённого слуха донеслось мурлыканье. Кошка! Девушка села, животное тотчас потёрлась пушистым боком о её руку.

– Пушистик, ты чей? – Кармель гладила мягкую шёрстку, чувствуя, как медленно улетучивается страх, потом сладко зевнула.

Утро застало её полулежащей, шея затекла, ноги онемели. Она пошевелила ступнями, с дивана вспрыгнула потревоженная пушистая кошка. Белая полоса вдоль хребта на рыжей шерсти смотрелась весьма странно, будто нарисована белой краской. Без всякого сомнения ночная визитёрша оказалась особой женского пола, уж больно симпатичной была её мордочка.

Кармель убрала постель, снова одела бабушкино платье и пошла умываться под кран во дворе. Кошка ходила за ней по пятам и громко мяукала.

– Ты хочешь кушать? Я тоже. Но извини, еды нет. – На кухне девушка обследовала все шкафчики – пусто. Хотя так и должно быть, иначе завелись бы мыши. Она плотоядно посмотрела на пачку макарон и растаявшее сливочное масло. Кармель вспомнила, как они готовили в детстве. Возле сарая нашла четыре кирпича, сверху пристроила решётку из холодильника. Из дровяника принесла несколько сухих полешков и старые газеты. Вскоре костёр весело запылал, она водрузила небольшую кастрюльку с водой. Когда вода закипела, высыпала в неё макароны. В поисках укропа Кармель пробралась сквозь заросли бурьяна в сад, обожглась крапивой, поцарапала ногу, но добыла пучок пахучего растения. Сливая воду из готовых макарон, обожгла пальцы. После всех ухищрений, добавив соль, масло, укроп, понюхала получившееся блюдо, осталась довольной. Как только она высыпала макароны в тарелку, на кухне появилась кошка. Девушка отсыпала кошке в блюдечко.

– Вкусно? – поинтересовалась Кармель у сотрапезницы. – По мне так просто обалденно.

Стукнула калитка, кошка запрыгнула на подоконник. Кармель выглянула в окно. По дорожке шествовала Ираида Кимовна с тарелкой в руке. Она вошла в открытую дверь и потянула носом.

– Привет. А почему костром воняет? – Потом заметила на столе закопченную кастрюльку. – Детство вспомнила?

Кармель заулыбалась.

– Ага. Вкусно необыкновенно. Попробуйте. – Она достала из шкафа тарелку и насыпала макарон.

Старушка поставила блюдо с пирожками на стол, взобралась на табурет и наколола на вилку пахнущие дымом макароны. Сегодня Ираида Кимовна была без платка и взору Кармель предстала её весьма экзотическая причёска. Ярко-сиреневые волосы, сколотые цветными заколками, пучками торчали во все стороны. На старушке красовался шёлковый китайский халат цветом в тон волосам.

– И, правда, вкусно. – А ты сбегай ко мне домой, принеси чайник. Он только что закипел. Кармель замялась.

– Не трать. Инквизитора я в сарае заперла, – поняла её беспокойство Ираида Кимовна. – И захвати сахар на столе, я пью только сладкий чай.

Они выпили по две кружки крепкого чая. Кармель вытерла пот, выступивший на лбу.

– Тут всё такое, пальчики оближешь, дома я бы даже не посмотрела на макароны.

Старушка закурила сигаретку, пустила колечко к потолку.

– Чтобы оценить еду, нужно по-настоящему проголодаться. А в жизни всё только так и можно оценить.

Кармель засмеялась.

– Вы прямо гуру села Захарьино.

– А ты, старушенция, в немодных тряпках, помолчи, – фыркнула Ираида Кимовна. – Глядя на твой наряд, Слава Зайцев сразу бы застрелился. Видела бы ты себя со стороны. Маша была ниже тебя сантиметров на десять – её платья на тебе мешок мешком. Короткие, но широкие. Ну и как тебе в родном гнезде?

Кармель удивилась:

– В смысле? Я родилась в городе.

Бабулька фыркнула:

– Корни твои здесь. Мне так хотелось увидеть кого-нибудь из вас, особенно твою маменьку, и посмотреть в её бесстыжие глазки. Достойную старость она обеспечила Маше. Палачи с горя проглотили бы пыточные инструменты, потому что твоя маменька их переплюнула.

Кармель мучительно покраснела. Она не знала, о чём думала мать, оставляя бабушку без помощи. Ей же самой даже не приходило в голову поинтересоваться, как живёт бабушка Маша?

– Бабушка никогда не жаловалась, – выдавила из себя Кармель. – Она всегда говорила, что у неё всё хорошо.

Ираида Кимовна постучала по столешнице сухеньким кулачком.

– А мозг включать не пробовали? Что дорогая Асенька не помнит, как ей жилось в родной деревне? Я сколько раз уговаривала Машу: «Скажи зятю, пусть воду в дом проведёт. И не надо самому, пусть местным работягам деньги оставит. Они всё сами сделают». Так нет же. От неё только и слышала: «Ой, ты знаешь, Ираидочка, какой занятой человек мой зять. Да и Асенька вся в делах. А я привыкла. Мне не трудно, справляюсь». Она и умерла так, словно боялась доставить беспокойство. Я лично ещё та штучка, но твоя бабушка, редкой душевности человек – не заслуживала такого отношения.

Кармель сглотнула слюну и спрятала задрожавшие руки под стол.

– Как умерла бабушка?

Ираида Кимовна затушила сигарету, налила в чашку остывшую воду из чайника. Её лицо погрузнело, морщины стали глубже. Даже заодно торчащие волосы поникли.

– Маша держала с десяток кур. Тем вечером она принесла мне яиц. Мы немного посидели во дворе. Маша и говорит: «Сегодня лягу пораньше, что-то устала я». На следующее утро я выпустила Инквизитора во двор, а сама села завтракать. Смотрю в окно, а этот гад сделал подкоп под забором и пролез в загородку к курицам. Я бегом. У Таксы хорошо развит охотничий инстинкт, она может передуть всех кур. Кинулась в загородку, а куры-то заперты в сарае. Я в дом. Уже знала, что найду. Маша не могла не открыть курочек вовремя. Она лежала на кровати, будто спала. Никому из вас хлопот не доставила.

Кармель вздохнула и опустила голову. Ей хотелось плакать, но она стыдилась слёз перед едва знакомой старушкой, которая к тому же осуждала её.

– Твои родители примчались по звонку и так быстро организовали похороны, что мы охнуть не успели. МЧС нервно курит в сторонке. Они ухитрились похоронить Машу в тот же день вечером. Уж как их соседка Маня уговаривала: «Мол, не по-людски хоронить так поздно. Побудьте с покойницей ночь в доме». Куда там! Представляю, сколько денег выкинули из-за спешки. Как только с моргом договорились? В общем, в шесть вечера гроб в могилу опускали. Видно сильно не хотелось твоим родителям оставаться на ночь в Захарьино. Ася отдала нам ключи от дома, сказала: «Возьмите себе всё, что захотите». Маня забрала халаты и кофты, я

на память – фото и вазочку из синего стекла. Вот так-то. Был человек, и за один день не стало. А ты чего не приехала бабушку хоронить?

Кармель подняла голову и посмотрела в окно на пышные кусты лебеды.

– Я в поход ходила с друзьями, мама не посчитала нужным мне сообщить.

Ираида Кимовна вставила в мундштук новую сигарету, но зажигать её не стала.

– Вполне верю. Ася держала себя так, будто королева снизошла до нас простолюдинов.

Красивая у тебя мать, ничего не скажу, но холодная, как рыба. Копия моей невесточки. Только я не Маша, терпеть не буду. Это она могла полгода пенсию собирать, чтобы съездить к вам в гости с подарками. А потом нам с Маней рассказывать байки, как вы её замечательно принимали. Только не всегда ей удавалось скрыть свою грусть. Один только раз призналась мне, что чувствует у вас себя ненужной, лишней.

Кармель вспомнила потерянный вид бабушки, которая бродила по дому, пытаясь общаться с ними. А у них для неё не находилось времени. И про подарки вспомнила. Она всегда засовывала их в шкаф и забывала. Ей бабушка обычно дарила шёлковые и тёплые шарфики, Эйтану и отцу рубашки, а матери набор полотенец или комплект постельного белья. Белье и полотенца мать складировала в комод, рубашки носил только Эйтан, а она так ни разу и не надела подарок.

– А сейчас-то чего явилась? – пробудила собеседницу от воспоминаний Ираида Кимовна.

– Дом покупателям показывала.

Старушка ехидно улыбнулась.

– Попугала покупателей джунглями, сначала надо было порядок навести, а потом товар предъявлять. Ты это, хоть фотоальбомы заведи домой, а то ведь новые хозяева выволокут всё на кучу, да и сожгут. Для чужих это просто хламьё.

– Заберу. Надеюсь, сегодня Сашка сделает машину. Побываю дома, вернусь сюда и приведу двор в порядок.

– Ну-ну... – недоверчиво протянула Ираида Кимовна. – По себе сужу, поэтому и говорю: ты явно ничего тяжелее ложки не поднимала. Хотя... поживём – увидим. – Старушка прикурила сигарету, другой рукой, похожей на птичью лапку, уцепила чайник. – Мне пора, Инквизитор заждался. Хорошо, что тебя Маня не видела, она бы за бабушку почище меня отругала. Маня-то её лет тридцать знает.

Кармель проводила взглядом шуплую сухую фигуру соседки. Потом навела порядок на кухне и позвонила Кузнецову.

– Привет, Крыжовник. Как там моя машина?

– Часа через три будет готова. Подходи, заберёшь. – В трубке слышались голоса Толика и Чучи.

«Алкаши, пьют уже что ли?» – удивилась Кармель.

Вышла на улицу, позвала кошку.

– Кис-кис.

Подождала, животное так и не появилось.

Чтобы убить время, отправилась на поиски фотоальбомов. В серванте на нижней полке обнаружила три альбома: очень старый, в чёрной потрескавшейся дерматиновой обложке, поновее в розовой бархатной и самый большой в синей обложке из плюшевой ткани. Открыла первый. С пожелтевших снимков на неё смотрели молодые и весёлые люди. Одна молодёжь. Строители Бама. Вспомнила Кармель. А ведь ей в детстве бабушка рассказывала, что она познакомилась с дедушкой на стройке. Он водил огромный Белаз, а она работала крановщицей. Кармель нашла фото бабушки. Тоненькая стройная девушка в лёгком шифоновом платье стояла рядом с высоким широкоплечим блондином. Перебрала все снимки. Вот они за свадебным столом такие счастливые. Какая красивая пара: оба светловолосые, голубоглазые, чем-то похожие. Как жаль, что она никогда не видела деда. Он умер задолго до её рождения. Кармель

открыла розовый альбом. В нём были собраны детские снимки мамы. «Наверно только у настоящего любящих людей мог родиться такой необыкновенно прелестный ребёнок. Да уж мама Ася сначала оказалась чудесной малышкой, потом необыкновенно милым подростком и, наконец, девушкой – настоящей красавицей. Почему же из этой любви выросла махровая эгоистка? Кармель любила мать, но, тем не менее, понимала: да, эгоистка. В третьем альбоме она обнаружила свои фото, Эйтана, родителей, старательно подписанные, с датами, пояснениями. Представила, как бабушка вечерами разглядывала снимки и, может, ей становилось не так одиноко. Кармель сложила альбомы в пакет, переделась в свою не очень свежую, да еще в пятнах одежду, замкнула входную дверь и потопала к автомастеру за машиной.

Возле двора Кузнецовых Кармель обнаружила уже знакомую компанию друзей.

– Можешь забрать машину, – Александр вложил ключи в руку Кармель. – Чем это от тебя несёт? – Он принюхался: – Дымом. Костёрчик жгла?

Чуча с трудом сфокусировал взгляд на ней и пьяно захихикал.

– Ты там часом бабкину хату не спалила?

Толик решил внести свою лепту и, окинув взглядом Кармель, добавил:

– А ты уже не так хорошо выглядишь, как давеча.

Кармель посмотрела на мятые брюки в жирных пятнах, она не нашла утюг, а пятна без порошка не отстирывались и процедила:

– Я, может, первый раз так выгляжу, а вы, судя по всему, каждый день. – Она села за руль, включила зажигание. – Саш, спасибо за ремонт.

– Ну и надо было сбавлять цену, – заявила мать, выслушав рассказ Кармель о бурьяне в человеческий рост во дворе, огороде и палисаднике. – Вряд ли мы найдём покупателей на эту халупу.

– Мам, ты родилась в этой халупе, – напомнила ей Кармель. – Может, съездим, возьмём из дома на память о бабушке вещи и если сами не сможем навести порядок, наймём кого-нибудь. Там люди рады любому заработку.

– А я не хочу это помнить. Кстати, ты свободна, вот и займись бабушкиным подворьем, – нашла Ася Ивановна. – И не тащи много старья из дому, достаточно пары вещей на память.

– Мам, а почему мы ничего не сделали для бабушки, она оказывается жила в жутких бытовых условиях?

– Мы предлагали ей переехать к нам. Она не захотела. – Мать нервно передёрнула плечами. – Мы собирались... но всё времени не хватало. Да она и не жаловалась, привыкла. – А ты с чего вдруг такая сердобольная стала? Когда она приезжала в гости, у тебя и минуты не нашлось побеседовать с ней.

Кармель помрачнела:

– А у тебя? Да мы все хороши. Бросили бабушку одну.

Ася Ивановна бросила скомканную салфетку на стол и хмуро глянула на дочь.

– Это хорошо, что не только меня винишь. Если хочешь знать, я надеялась: мама переедет в город. Ещё и поэтому не стала настаивать на ремонте дома в деревне. Я хотела, чтобы она уехала оттуда, никогда не понимала, почему мама упорствует. Я в своё время сбежала оттуда без оглядки.

Кармель допила чай и задумчиво повертела в руке серебряную ложку. В высокие стрельчатые окна кухни светило утреннее солнце. В его лучах ослепительно сверкали столовые приборы, лакированная мебель из светлого дерева и стеклянная кафельная плитка на стенах. Она вспомнила, как мать стеснялась бабушки и не показывала её подругам.

– Мам, помнится, ты не очень радовалась приезду бабушки к нам.

Ася Ивановна криво улыбнулась.

– Хочешь знать правду? Как бы тебе не пожалеть после.

Кармель удивилась почти злобному тону матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.